

припоминая. Иногда она оставалась въ переплетной старика, который курилъ трубку и рассуждалъ о беззаконіи допускать людей быть бѣдными. Джулія слушала, но ничего не говорила. Но все же это было для нея нѣкотораго рода развлеченіемъ. Она стала очень молчалива; въ сущности вернулась къ тому, чѣмъ была въ прежнее время; опять стала пассивной молчаливой дѣвушкой, добросовѣстно выполнявшей возложенныя на нее обязанности. Она никогда не ворчала и не жаловалась и ей по видимому и въ голову не приходило, что у нея есть какія-нибудь права или основанія ждать чего-либо отъ судьбы. Походка ея утратила прежнюю развязность; щеки снова поблѣднѣли, плечи сгорбились; грудь похудѣла. Когда она шла, то глядѣла въ землю; всѣ наряды, которыми она украшала себя, когда ходила гулять съ Джимомъ, были спрятаны и больше не появлялись на свѣтъ Божій.

И со всѣмъ тѣмъ она не въ силахъ была вполнѣ вернуться къ прежней, монотонной жизни. Провести воскресенье на старый ладъ ей казалось нестерпимымъ. Поэтому въ хорошую погоду она уходила за городъ и одна бродила по тѣмъ мѣстамъ и дорогамъ, по которымъ гуляла съ Джимомъ. Поля были теперь мокры и сиротливы, изгороди лишены всякой зелени, овраги, по которымъ она собирала полевые цвѣты, были полны палыхъ темныхъ листьевъ. Она гуляла по мокрымъ тропинкамъ и снова переживала счастливые дни, которые она проводила здѣсь съ своимъ милымъ; или же сидѣла на какомъ-нибудь пнѣ, въ глухомъ уголку, куда никто кромѣ нея не заглядывалъ, и вспоминала о лѣтнихъ солнечныхъ, чудныхъ дняхъ, пока не наступали сумерки и короткій зимній день не смѣнялся ночью. Тогда она вспомнила, что Джимъ сидитъ въ тюрьмѣ и что она та самая дурная женщина, которая его привела туда, и медленно возвращалась домой въ свою одинокую келью. Печальная и нездоровая жизнь! Вѣчно къ воспоминанію прошлыхъ радостей примѣшивался упрекъ, что она виновата во всей этой бѣдѣ. Ея милый сидитъ въ тюрьмѣ, облеченный въ арестантское платье. Бѣдный Джимъ! Бѣдный Джимъ! Онъ попалъ въ худую компанію. Она была этой худой компаніей; она была дурной женщиной, отъ которой предостерегалъ другихъ судья; она свела его съ пути добродѣтели на путь порока. Они говорятъ, это потому, что она актриса. Еслибы не это, никто бы этого не говорилъ. А она была актрисой съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ научилась ходить, и никогда не знала, что она дурная. Какъ все это странно!